

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

В.М. Эйхенбаум (Волин): человек и его книга

Пол Аврич

Волин, как и его товарищ Нестор Махно — одна из самых известных фигур российского анархистского движения. Он активно участвовал в революциях 1905 и 1917 годов, а также в революционном движении в эмиграции. В 1905 году, являясь социалистом-революционером, он был одним из основателей Санкт-Петербургского Совета, в 1917 году издавал «Голос труда» — ведущую анархо-синдикалистскую газету революционного периода. Во время Гражданской войны он способствовал созданию украинской Конфедерации «Набат», редактировал её одноимённую газету и играл важную роль в партизанском движении под руководством Махно.

Однако, в отличие от Махно, Волин был прежде всего интеллектуалом, предпочитавшим пропаганде действием пропаганду словом. Он активно выступал как литератор и лектор, разработал теорию «единого анархизма» и создал наиболее впечатляющую анархистскую историю Российской революции, переведённую на многие языки.

Пол Аврич

В.М. Эйхенбаум (Волин): человек и его книга

Скопированно 16 ноября 2014 с

<http://www.makhno.ru/forum/archive/index.php/t-41.html>

2018-03-10 проверено по

https://royallib.com/book/volin_vsevolod/neizvestnaya

ru.theanarchistlibrary.org

Оратор и редактор, историк и журналист, просветитель и поэт, Волин был разносторонним человеком. Вехами его жизни, полной лишений, служили аресты, побеги и несколько встреч со смертью. Один из самых ярких критиков большевистской диктатуры, он дважды арестовывался чекистами и, после того, как Троцкий издал распоряжение о его казни, лишь чудом избежал гибели. В тюрьме и ссылке, в пропаганде и практической работе он всегда оставался убеждённым революционером, отличавшимся как моральной, так и физической смелостью. По словам Виктора Сержа, он обладал «ясным умом, был кристально честным, полным таланта, вечной молодости и радости борьбы». Его псевдоним, происходящий от слова «воля», говорит об идеале, которому он посвятил всю свою жизнь.

Волин, чьё настоящее имя Всеволод Михайлович Эйхенбаум, родился 11 августа 1882 г. в образованной семье ассимилированных еврейских интеллектуалов, живших недалеко от Воронежа. Его дед по отцовской линии Яков Эйхенбаум был математиком и поэтом, родители врачами. Живя в комфортабельных условиях, они имели возможность нанять для обучения двух своих сыновей западных учителей. Соответственно, Волин и его младший брат с детства знали французский и немецкий языки, на которых могли разговаривать и писать почти так же свободно, как и на родном русском. Брат Волина Борис Эйхенбаум стал впоследствии одним из наиболее выдающихся русских литературных критиков, основателем формалистической школы и крупным специалистом по творчеству Толстого и других писателей.

Судьба Волина могла бы быть похожей. Он учился в гимназии в Воронеже и затем поступил в правовую школу Санкт-Петербургского университета. Однако там его захватили революционные идеи, и в 1904 г., на горе родителям, он бросил учёбу, чтобы вступить в Партию социалистов-

революционеров и целиком посвятить себя агитации среди столичного рабочего класса, с которым он установил первые контакты за три года до этого, когда ему было девятнадцать.

Этому новому делу Волин отдал всю силу своей идеалистической натуры. Он организовывал просветительские рабочие кружки, основал библиотеку и разработал программу чтения, одновременно зарабатывая себе на жизнь частными уроками. 9 января 1905 г. он участвовал в массовом шествии протеста к Зимнему дворцу, которое было расстреляно царскими войсками — сотни жертв остались лежать на снегу. Это «Кровавое воскресенье» положило начало революции 1905 года. Он также принимал участие (ещё будучи членом эсеровской партии) в создании первого Санкт-Петербургского Совета и в Кронштадтском восстании 25 октября 1905 г., за что получил короткий срок заключения в Петропавловской крепости. Вскоре после освобождения ему вновь пришлось столкнуться с преследованиями в условиях реакции, последовавшей за революцией. Схваченный охранкой в 1907 г., он был брошен в тюрьму и затем приговорён к высылке в Сибирь, однако сумел бежать во Францию.

Прибытие Волина на Запад открыло новую фазу в его политическом и интеллектуальном развитии. В Париже он познакомился с французскими и русскими анархистами, в том числе с Себастьяном Фором (вместе с которым он впоследствии работал над четырехтомной «Анархистской энциклопедией») и Аполлоном Карелиным, возглавлявшим маленький либертарный кружок под названием «Братство вольных общинников». В 1911 г. Волин присоединился к группе Карелина, оставив Партию социалистов-революционеров ради анархизма, непоколебимую верность которому он сохранил до конца жизни.

Будучи убеждённым антимилитаристом, Волин стал в 1913 г. активным членом Комитета за международное действие против войны. Когда в августе 1914 г. началась первая мировая война, он ещё активнее принялся за антимилитаристскую агитацию, вызвав тем самым неудовольствие французских властей, которые в 1915 г. решили интернировать его вплоть до окончания военных действий. Но Волину, предупреждённому друзьями, удалось бежать в портовый город Бордо и устроиться старшиной-рулевым на грузовое судно, на котором он отправился в Соединённые Штаты, оставив во Франции жену и детей.

Прибыв в Нью-Йорк в начале 1916 г., Волин вступил в Союз русских рабочих США и Канады, анархо-синдикалистскую организацию, насчитывавшую около десяти тысяч членов. Способный публицист и оратор, он вошёл в редакцию еженедельной газеты Союза «Голос труда», выступал с лекциями и участвовал в дискуссиях во многих клубах и на собраниях в Канаде и в Соединённых Штатах. Так, в 1916 г. он посетил Детройт, Питтсбург, Кливленд и Чикаго, выступив там с докладами о синдикализме, всеобщей стачке, мировой войне, французском рабочем движении. Однако, узнав о Февральской революции, он принял решение при первой возможности вернуться в Россию. В мае 1917 г. при помощи Анархистского Красного Креста редакция «Голоса труда», включая Волина, собралась и отплыла домой по тихоокеанскому Маршруту, прибыв в Петроград в июле. В течение следующего месяца они вновь наладили издание «Голоса труда» в качестве еженедельного органа Союза анархо-синдикалистской пропаганды, распространявшего идеи революционного синдикализма среди столичных рабочих.

Волин выступил теперь как один из крупнейших анархистских идеологов периода революции. Он обрёл ораторскую популярность на митингах, на фабриках и в клу-

же попал в больницу. Он болел туберкулёзом, и дни его были сочтены. 18 сентября 1945 г. он умер. Тело его было кремировано, и прах захоронен на кладбище Пер-Лашез недалеко от могилы Нестора Махно, скончавшегося от той же болезни одиннадцатью годами ранее. Так старые товарищи воссоединились после смерти, упокоившись рядом с мучениками Парижской Коммуны.

бах, призывая к рабочему контролю над производством в Противовес как капитализму, так и реформистскому тред-юнионизму. Хотя Он был среднего роста и хрупким физически, его красивое интеллигентное лицо с рано поседевшей бородой и горящими глазами придавало ему впечатляющий облик; он умел увлечь слушателей своей убедительной аргументацией, выразительными жестами и бьющим точно в цель, иногда уничтожающим остроумием — и этим напоминал Виктору Сержу старого французского бунтаря Бланки. Начиная со второго номера, он возглавил редакцию «Голоса труда» (первый номер газеты вышел под редакцией Максима Раевского, который по невыясненным до сих пор причинам внезапно отошёл от движения). Под эффективным руководством Волина «Голос труда» стал самым влиятельным анархо-синдикалистским изданием периода российской революции с примерно двадцатипяти-тысячной читательской аудиторией. Статьи самого Волина, появлявшиеся почти в каждом номере, вышли в 1919 г. в виде сборника под названием «Революция и анархизм».

Однако Волину предстояло вступить в конфликт с укрепляющейся большевистской властью, «Как только их власть утвердится и узаконится, — писал он в «Голосе труда» в конце 1917 г., — большевики, будучи социалистами-государственниками, то есть людьми, верящими в централизованное и авторитарное руководство, начнут управлять жизнью страны и народа сверху». Советы, предсказывал он, превратятся в простые «орудия центрального правительства», и в России возникнет «авторитарный политический и государственный аппарат, который будет железным кулаком давить всякую оппозицию. «Вся власть Советам» превратится во «всю власть партийным вождям».

В марте 1918 г. Волин резко критиковал Брест-Литовский мирный договор, по которому Россия уступила Германии

более четверти своего населения и сельскохозяйственных земель и три четверти металлургической промышленности. Ленин доказывал, что этот договор, как бы ни были тяжелы его условия, обеспечивал жизненно необходимую передышку, используя которую, большевики могли укрепить свою власть. Но для анархистов Брестский мир представлял собой унижительную капитуляцию перед силами реакции, предательство мировой революции. Волин облачал его как «позорный» акт и призывал к «неустанной партизанской войне» против немцев. Вскоре он оставил редактирование «Голоса труда» и выехал на Украину, остановившись по пути в родном районе, чтобы навестить своих родственников, которых он не видел на протяжении более чем десяти лет.

Летом 1918 г. Волин жил в городе Боброве и работал в просветительском отделе местного Совета, помогая организовывать систему обучения взрослых, библиотеку и народный театр. В конце года он переехал в Харьков, где стал вдохновителем Конфедерации «Набат» и редактором её главной газеты. Он играл также ключевую роль на её первой общей конференции, состоявшейся в ноябре 1918 г. в Курске и ставившей своей задачей выработку декларации принципов, которые были бы приемлемы для всех идейных течений в анархизме — коммунизма, синдикализма и индивидуализма.

После ухода из «Голоса труда» Волин эволюционировал от анархо-синдикализма к более синтетической позиции, которую он именовал «единым анархизмом», подразумевающая теорию, призванную побудить все фракции движения к совместной работе в духе взаимного уважения и сотрудничества в рамках одной объединённой, но гибкой организации — что являлось своего рода моделью самого будущего либертарного общества. Многие из его прежних товарищей, прежде всего Григорий Максимов и Марк

сады, охваченные всеобщим стремлением к обретению достоинства и равенству — играли главную роль в той самой «неизвестной революции», которая находилась в центре внимания автора.

Необходимо также добавить, что книга Волина страдает от стилистических погрешностей. По словам Джорджа Вудкока, Волин «не был прекрасным писателем в литературном смысле». Он имел склонность к многословию, и его история выиграла бы от большей сжатости. И тем не менее, несмотря на все свои недостатки, «Неизвестная революция» — впечатляющий труд. Это новаторское исследование малоизвестного аспекта Российской революции. За частичным исключением истории махновского движения Аршинова и истории большевистских репрессий Максимова, это единственная работа такого рода.

Как уже говорилось, Волин завершил «Неизвестную революцию» в 1940 и в Марселе. Когда Виктор Серж встретил его там в этом году, Волин работал в кассе маленького кинотеатра и получал гроши. После нацистской оккупации и образования правительства Виши его положение становилось всё более рискованным. Ему приходилось скрываться в разных местах, живя в крайней бедности и под постоянной угрозой ареста. Однако бежать за океан он не хотел. Он надеялся принять участие в грядущих европейских событиях, которые, по словам Сержа, ожидал с «романтическим оптимизмом». Два товарища Волина, Молли Штеймер и Сеня Флешин, встретившись с ним в Марселе в 1941 г., так и не смогли уговорить его отправиться вместе с ними в Мексику. Ему необходимо было оставаться во Франции, настаивал Волин, чтобы общаться с молодёжью и «готовиться к революции после окончания войны».

Преследуемый властями как анархист и еврей, Волин каким-то образом сумел избежать расправы. Когда война наконец закончилась, он вернулся в Париж, но там сразу

ине. С глубокой симпатией рассказывает автор о махновском движении, не замалчивая, однако, и его негативные черты, такие, как пьянство Махно или образование вокруг него своего рода военной камарильи. (Как уже отмечалось, Волин расходился с Махно по вопросу об «Организационной платформе», и противоречия между ними так никогда и не были полностью изжиты.)

Тем не менее, книга Волина не лишена и некоторых недостатков. Говоря о предыстории российского революционного движения, автор лишь мимоходом упоминает о великих крестьянско-казацких восстаниях XVII и XVIII веков, не принимая во внимание их ярко выраженный антигосударственный характер. Несмотря на все свои «примитивные» черты, восстания Разина и Пугачёва являлись всё же антиавторитарными выступлениями, борьбой за децентрализованное и эгалитарное общество. Далее, как это ни странно, Волин совсем не пишет об анархистах в главе, посвящённой революции 1905 года, хотя именно тогда российские анархисты впервые выступили как серьёзная сила, игравшая важную роль в происходивших событиях. (Стоит вспомнить, что Волин был в то время социалистом-революционером и перешёл на позиции анархизма лишь в 1911 г.).

Описание Волиным социальной революции 1917 года также требует дополнений. Очень мало говорится в его книге о рабочем и крестьянском движении за пределами Кронштадта и Украины; игнорируются анархисты-индивидуалисты, интересная, хотя и относительно небольшая группа; не отражена и роль женщин в анархистском и революционном движении. А ведь именно женщины — в очередях за хлебом и забастовочных пикетах, на демонстрациях, на баррикадах и в партизанских отрядах, убеждавшие солдат и своих товарищей по работе, создававшие бесплатные школы и детские

Мрачный, оценили «единый анархизм» как расплывчатую и неэффективную конструкцию, которую они принять не могли. Мрачный, хотя и считал Волина «способным оратором и человеком с очень большими знаниями», ощущал в нём «определённую поверхностность. Он легко говорил и писал, но всегда неглубоко и без настоящего содержания».

Волин упорно продвигал свою идею. Он видел воплощение единого анархизма в конфедерации «Набат», имевшей центр в Харькове и отделения в Киеве, Одессе и других крупных городах юга, — организации, которая объединяла в себе все разновидности анархизма, гарантируя в то же время автономию каждому своему члену и группе. Помимо издания «Набата», конфедерация выпускала несколько региональных газет, брошюры и прокламации; при ней существовала динамично развивающаяся молодёжная организация, а также Союз атеистов. Она выдвигала модель общественного устройства, альтернативную планам и большевиков, и белых, которые, разумеется, стремились её подавить.

Летом 1919 г., когда большевики усилили преследования анархистов и начали закрывать их газеты и запрещать собрания, Волин отправился в Гуляй-Поле, где присоединился к повстанческой армии Махно, идеологию которой разрабатывала конфедерация «Набат». Вместе с Петром Аршиновым и Аароном Бароном Волин состоял в Культурно-просветительском отделе, редактировал газеты движения, готовил его прокламации и манифесты, организовывал собрания и конференции. Летом и осенью он возглавлял просветительский отдел (как до этого в Бобровском Совете) и одновременно в течение шести месяцев работал в Военно-революционном совете. В следующем году большевики предложили ему пост наркома просвещения Украины, от которого он решительно отказался, подобно тому, как его учитель Кропоткин отверг в 1917 г. предложение Керенско-

го возглавить министерство просвещения во Временном правительстве.

В декабре 1919 г. Военно-революционный совет послал Волина в Кривой Рог для противодействия украинской националистической пропаганде, развёрнутой в тех местах Петлюрой. Однако по пути Волин заболел тифом и вынужден был остановиться в селе, жители которого взяли на себя заботу о его выздоровлении. 4 января 1920 г. его, ещё не оправившегося от болезни, арестовали красноармейцы 14-й армии и передали в руки ЧК. Троцкий, неоднократно критиковавший им на страницах «Набата», отдал распоряжение о его казни. Но находившиеся в Москве анархисты, в частности, Александр Беркман, только что прибывший из Соединённых Штатов, выступили с призывом перевести его в Москву и передали соответствующее обращение секретарю ЦК Коммунистической партии Николаю Крестинскому. Последний, хотя знал Волина по студенческим годам в Санкт-Петербургском университете, отклонил это призыв, заявив, что Волин является контрреволюционером. Однако под давлением со стороны анархистов и тех, кто им симпатизировал (например, Виктора Сержа), он в конце концов уступил и приказал перевести Волина в московскую Бутырскую тюрьму.

Это произошло в марте 1920 г. Семь месяцев спустя в соответствии с соглашением, достигнутым между Красной Армией и махновской Повстанческой Армией Украины, Волин вышел на свободу. Оправившись от болезни, он поехал в Дмитров, чтобы отдать дань уважения Кропоткину, а затем вернулся в Харьков и возобновил издание «Набата». Вновь оказавшись на Украине, он приступил к подготовке Всероссийского съезда анархистов, который был запланирован на конец года. Но в конце ноября Троцкий нарушил соглашение с Махно и приказал атаковать Гуляй-Поле; одновременно чекисты схватили членов конфедерации

Будучи великим народным движением, «восстанием масс», Российская революция нуждалась в Волине, чтобы иметь свою историю, рассмотренную «снизу», как сделали Кропоткин и Жан Жорес в отношении революции во Франции. «Всё огромное множество людей вышло наконец на авансцену», — писал Жорес о 1789 году. То же самое можно сказать о России периода 1917–1921 годов, когда в стране совершались глубочайшие перемены, которые затрагивали все сферы жизни и в которых важнейшую роль играли простые люди. Аналогичные процессы происходили и в Испании в 1936–1939 гг. Именно в России и в Испании имели место величайшие либертарные революции двадцатого века — децентрализованные, спонтанные, эгалитарные, осуществлявшиеся не какой-либо одной партией или группой, а прежде всего самим народом.

Наиболее выдающаяся черта этой «неизвестной революции» состояла, по Волину, в децентрализации и рассредоточении власти, спонтанном образовании автономных коммун и советов и в возникновении самоуправления трудящихся города и деревни. Действительно, все современные революции сопровождались созданием комитетов на местах — фабричных и домовых, образовательных и культурных, солдатских, матросских и крестьянских, — которые рождались из расцвета прямого действия низов. В России народными органами прямой демократии были Советы — пока большевики не превратили их в инструменты централизованной власти, подсобные структуры нового бюрократического государства.

Таков основной тезис Волина. Он подробно описывает усилия рабочих, крестьян, интеллигентов, стремившихся создать свободное общество, Основанное на принципах местной инициативы и автономии. Широкое освещение получает в его книге либертарная оппозиция новой советской диктатуре, главным образом, в Кронштадте и Укра-

дерации труда (НКТ) стать редактором «Антифашистской Испании» — её франкоязычного периодического издания, издававшегося в Париже. Однако вскоре, когда НКТ встала на позиции народного фронта и поддержала республиканское правительство, он ушёл со своего поста. Жизнь Волина никогда не была лёгкой, он всегда находился на грани бедности, но в этот момент судьба нанесла ему сразу целый ряд ударов, среди которых тяжелейшим была смерть его жены, пережившей перед этим нервный срыв. Спустя некоторое время, в 1938 г. он переехал из Парижа в Ним, куда его настойчиво приглашал его друг Андре Прюдоммо, известный писатель-анархист и руководитель кооперативной типографии. Там Волин вошёл в редакцию ежедневной газеты Прюдоммо «Тер либр» и одновременно продолжал писать историю Российской революции, работа над которой была завершена им в Марселе в 1940 г., уже после того, как началась вторая мировая война.

Книга Волина «Неизвестная революция» — самая значительная анархистская история Российской революции из всех, публиковавшихся когда-либо на разных языках. Её автор, как мы видели, являлся непосредственным свидетелем и активным участником описываемых событий. Подобно кропотливой истории Французской революции, она повествует о том, что Волин именует «неизвестной революцией», то есть о народной социальной революции, отличной от захвата политической власти большевиками. До появления книги Волина эта тема почти не обсуждалась. Для Волина Российская революция не сводилась к деяниям Керенского и Ленина, социал-демократов, эсеров или даже анархистов. Она представляла собой взрыв массового недовольства и массового творчества, стихийный, незапланированный и неполитический — подлинную социальную революцию, какую за столетия до того предвидел Бакунин.

«Набат», приехавших в Харьков для участия в съезде. Вместе с Бароном и другими Волина отправили в Москву и вновь заключили в Бутырку, откуда он был переведён в Лефортово и затем в Таганку — названия, известные нам по книгам Солженицына.

Более года Волин провёл за решёткой. В июле 1921 г., когда в Москве создавался Красный Интернационал профсоюзов (Профинтерн), несколько иностранных делегатов, обеспокоенных преследованием анархистов и подавлением Кронштадтского восстания, обратились, по инициативе Эммы Гольдман, Александра Беркмана и Александра Шапиро, к Ленину и главе ЧК Дзержинскому с протестом. Французскому анархисту Гастону Левалю, тогда молодому делегату конгресса Профинтерна, было позволено посетить Волина в тюрьме, и тот более часа рассказывал ему на безупречном французском о своей одиссее на Украине. Вскоре после этого Волин, Максимов и другие анархисты провели одиннадцатидневную голодовку, протестуя против своего заключения. В конечном итоге Ленин согласился выпустить их при условии вечного изгнания из России, и в январе 1922 г. они уехали в Берлин.

Волину больше не суждено было вернуться на родину. Рудольф Роккер и другие видные немецкие анархисты помогли ему с семьёй обосноваться в Берлине. Хотя ему было только сорок лет, Волин, с его редкими волосами и седой бородой, выглядел гораздо старше, однако его живая мимика и быстрые движения очень скоро рассеивали такое впечатление. Роккер, который, когда намеревался писать, должен был запирается в своём рабочем кабинете, завидовал способности Волина концентрировать внимание: тот мог писать, вспоминая Роккера, в той же маленькой мансарде, где жил, ел и спал со своей женой и пятью детьми.

В Берлине Волин оставался около двух лет. Там он выпустил семь номеров журнала «Анархический вест-

ник», который являлся органом «единого анархизма» в противоположность выходившему тогда же чисто анархо-синдикалистскому «Рабочему пути» Максимова. Вместе с Беркманом Волин занимался оказанием помощи товарищам, находившимся в тюрьмах и ссылке. В 1922 г. он выступил в качестве редактора небольшой, но важной книги «Гонения на анархизм в Советской России», которая была издана на французском, немецком и русском языках и впервые представила миру документированную информацию о большевистских репрессиях против анархистов. Он написал также предисловие к «Истории махновского движения» Аршинова и помог перевести её на немецкий.

В 1924 г. Себастьян Фор пригласил Волина в Париж для работы над созданием анархистской энциклопедии. Со своей эрудицией, знанием иностранных языков, теории и истории анархизма он мог принести большую пользу этому проекту. Волин приехал и написал для энциклопедии серию больших статей, ряд которых был опубликован в виде отдельных брошюр на разных языках. На протяжении следующих десяти лет он, кроме того, сотрудничал в нескольких анархистских периодических изданиях, включая «Либертер» и «Ревю анархист» в Париже, «Интернационале» в Берлине и «Мэн!», «Дело труда» и «Фрайе арбетер штиме» в США им был выпущен также поэтический сборник, посвящённый памяти умершего в 1921 г. Кропоткина, и начата работа над фундаментальной историей российской революции.

Однако Волин не оставался в стороне и от фракционной борьбы, охватившей российскую анархистскую эмиграцию. В 1926 г. он порвал со своими старыми товарищами Аршиновым и Махно, разошедшись с ними по вопросу об их спорной «Организационной платформе», которая призывала к созданию Всеобщего союза анархистов с центральным исполкомом, координировавшим бы его

политику и деятельность. В этой полемике Волин выступил на одной стороне с Александром Беркманом, Эммой Гольдман, Себастьяном Фором, Эррико Малатестой, Рудольфом Роккером и другими видными анархистами из разных стран. В следующем году он вместе с группой единомышленников опубликовал резкий ответ Аршинову, в котором доказывал, что «Организационная платформа» с её идеей центрального комитета противоречит основному анархистскому принципу инициативы снизу и отражает «партийный дух» её автора (Аршинов до своего присоединения в 1906 г. к анархистам был большевиком).

Волин счёл свою правоту подтверждённой, когда в 1930 г. Аршинов вернулся в Советский Союз и вновь вступил в партию (спустя несколько лет он был репрессирован). После отъезда Аршинова Галина Махно попросила Волина навестить её мужа, смертельно больного туберкулёзом. В 1934 г., незадолго до смерти Махно старые друзья помирились, и Волин взял на себя организацию посмертного издания второго и третьего томов воспоминаний Махно, снабдив их предисловием и комментариями.

В конце двадцатых и в тридцатые годы Волин продолжал разоблачать советскую диктатуру, именуя большевизм «красным фашизмом» и сравнивая Сталина с Муссолини и Гитлером. В своей маленькой парижской квартире он вёл неформальные занятия по анархизму, привлекавшие молодых товарищей разных национальностей, среди которых была Мария Луиза Бернери. Одновременно, чтобы содержать семью, он пробовал себя на разных работах, в том числе в службе газетных вырезок, и вместе с Александром Беркманом выполнил по заказу Московского художественного театра русский перевод пьесы Юджина О'Нила «Лазарь смеялся».

После начала в 1936 г. гражданской войны в Испании Волин принял предложение испанской Национальной конфе-